

КАВКАЗ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Л. П. Иванова

В статье характеризуется восприятие М.Ю. Лермонтовым внутреннего мира горцев: системы воспитания, принципов морали, вольнолюбия, жестокости, коварства, веры, чести, патриотизма.

Ключевые слова: Кавказ, языковое сознание, Лермонтов

У статті характеризується сприйняття М.Ю. Лермонтовим внутрішнього світу горців: системи виховання, принципів моралі, жорстокості, віри, чести, патріотизму, вільнолюбства.

Ключові слова: Кавказ, мовна свідомість, Лермонтов

In the article is characterized the Lermontov's understanding of the inner world of Caucasian people: the system of education, moral principles, cruelty, cowardness, belief, honor, patriotism, love for freedom.

Key words: Caucasus, linguistic conciseness, Lermontov

Кавказ входил в русское языковое сознание на протяжении десятилетий, в большой мере этот процесс был обусловлен политическими событиями, в которые были вовлечены тысячи людей, в том числе и великий поэт М.Ю. Лермонтов: он служил на Кавказе и в Пятигорске погиб на дуэли.

Мы в своих публикациях неоднократно подчеркивали постепенность и поступательность культурного освоения Кавказа: восторг перед природой у Г.Р. Державина и В.А. Жуковского, восхищение природой и интерес к обычаям и традициям горцев у А.С. Пушкина, освоение быта и нравов кавказцев у Л.Н. Толстого, восприятие Кавказа как места радости и любви у И.А. Бунина, трудные взаимоотношения с чеченцами на фоне прекрасной природы у А.И. Приставкина.

Однако, по нашим наблюдениям, практически все перечисленные особенности восприятия Кавказа представлены в поэзии М.Ю. Лермонтова. Душа великого поэта приняла Кавказ сразу и безоговорочно: *Я сердцем твой, – всегда и всюду твой*. Таким образом, все дальнейшее освоение Кавказа в русской культуре как бы коренится в мировосприятии М.Ю. Лермонтова.

Какой интерес может представлять эта, на первый взгляд, частная проблема русской ментальности для науки современной Украины?

Проблемы лингвокультурологии, межкультурной коммуникации все более активно изучаются современными лингвистами (см., например, труды А. Вежбицкой, В.В. Воробьева, В.А. Масловой, С.Г. Гер-Минасовой и мн. других). Одной из актуальных, но до сих пор совершенно не изученных проблем является культурное освоение: имеется в виду принятие природы, обычаев, нравов, языковые заимствования, т.е. движение по шкале «чужое – свое». Изучение указанных процессов имеет большое практическое значение, т.к., живя в полиэтничном государстве, люди должны уметь находить общий язык. Опыт многовекового межэтнического общения, накопленный на протяжении столетий и воплощенный в творчестве великих поэтов, всегда актуален, полезен и интересен.

Кавказ сыграл весьма заметную роль в жизни, творчестве и мировоззрении М.Ю. Лермонтова. Даже первая любовь пришла к нему в десятилетнем возрасте именно на Кавказе.

М.Ю. Лермонтов был весьма образованным человеком. Он владеет французским, немецким, английским, читает по-латыни, впоследствии, на Кавказе, принимается изучать «татарский», то есть азербайджанский язык, в Грузии будет записывать слова грузинские и одной из своих поэм даст грузинское название – «Мцыри».

Великий исследователь творчества великого поэта И.Л. Андроников писал о нем так: «И через всю жизнь проносим мы в душе образ этого человека – грустного, строгого, нежного, властного, скромного, смелого, благородного, язвительного, мечтательного, насмешливого, застенчивого, наделенного могучими страстями и волей и пронизательным беспощадным умом. Поэта гениального и так рано погибшего. Бессмертного и навсегда молодого» [1, с. 18].

Любимыми поэтами М.Ю. Лермонтова были А.С. Пушкин и Д.Г. Байрон. Их страстное свободолобие не могло не отразиться на его мировоззрении. И Кавказ покорила романтическую душу поэта прежде всего традиционным свободолобием и независимостью. М.Ю. Лермонтов, великий русский патриот, с большим уважением и максимальной объективностью писал о Кавказе.

Систематизация материала позволила очертить три главные проблемы: 1. Кавказ (природа; животный мир; растительность; архитектура и убранство жилища). 2. Кавказцы 1) внутренний мир: а) система воспитания и мораль; б) вера; в) мифология; г) проклятия; д) патриотизм; 2) внешность: а) портрет; б) оружие и снаряжение; 3) обычаи и нравы: а) набеги и разбой; б) бой; в) обычаи мирной жизни. 3. Русские на Кавказе (любовь к Кавказу; бой русских и чеченцев; оценка кавказцев; взаимоотношения русских и кавказцев; плен).

Ограниченность объема статьи вынуждает нас обратиться лишь к одному аспекту восприятия Кавказа М.Ю. Лермонтовым – внутреннему миру жителей Кавказа.

1. Описывая **систему воспитания и принципы морали горцев**, великий русский поэт сумел стать на позиции кавказцев и увидеть войну с Россией глазами представителей народов Кавказа.

Характеристика доблестей горца, воплощенных в описании аула Джемат: *Велик, богат аул Джемат, Он никому не платит дани; Его стена – ручной булат; Его мечеть на поле брани. Его свободные сыны В огнях войны закалены; Дела их громки по Кавказу, В народах дальних и чужих, И сердца русского ни разу Не миновала пуля их* (М.Ю. Лермонтов, Хаджи Абрек [2, с. 418]). Таким образом, главное для горцев – свобода, богатство, воинственность. Описание избилует тропами – метонимиями, метафорами, символами и т.д. Обращает на себя особое внимание *мечеть на поле брани*, т.е. подчеркивается специфика веры мусульман.

Указанные свойства и качества воспитываются с детства: *И дики тех ущелий племена, Им бог – свобода, их закон война, Они растут среди разбоев тайных, Жестоких дел и дел необычайных; Там в колыбели песни матерей Пугают русским именем детей; Там поразить врага не преступлень; Верна там дружба, но вернее мщенье; Там за добро – добро, и кровь – за кровь, И ненависть безмерна, как любовь. Темны преданья их* (М.Ю. Лермонтов, Хаджи Абрек [2, с. 233-234]). Эпитет *дики* является лейтмотивом данного сверхфразового единства, все дальнейшее описание посвящено его интерпретации. Не менее выразительна концовка – *темны преданья их*, т.е. непонятны, скрыты временем. Для русского мировосприятия оценка сугубо негативная.

Главная черта горца – **вольнолюбие**: *Но вольность, вольность для героя Милей отчизны и покоя.* Обращает на себя внимание повторение главной ценности горца. Не менее характерны **презрение к трусости, бесстрашие и верность**: *В бою мы рады лечь костями. И что мне смерть?* (Измаил-Бей [2, с. 67]). Не меньшее уважение поэта вызывает верность обычаям гостеприимства и чести, что в свое время подчеркивал А.С. Пушкин: *В фуражке белой русский воин, Печальный, бледный и худой... «Чего ты хочешь от меня?» «Гостеприимства и защиты!» – Пришлец бесстрашно отвечал, – Свой путь в горах я потерял, Черкесы вслед за мной спешили И казаков моих убили, И верный конь под мною пал! Спаси, убить врага ночного Равно ты можешь! Не боюсь Я смерти: грудь моя готова. Твоей я чести предаюсь! «Ты прав; на честь мою надейся! Вот мой огонь: садись и грейся!»* (Измаил-Бей [2, с. 354]). Обращает на себя внимание повторяющийся мотив отсутствия страха смерти. С другой стороны, горцы ценят смелость, и если единоверцу-трусу они отказывают в крове, то храброго русского принимают: *«Вот мой огонь»*.

Честь в сознании горца причудливо переплетается с **кровожадностью и ненавистью**: *Я не разбойник потаенный; Я видеть, видеть кровь люблю; Хочу, чтоб, мною пораженный, Знал руку грозную мою. Как ты, я русских ненавижу, И даже более, чем ты; Но под покровом темноты Я чести князя не унижу. Иную мечь родной стране, Иную славу надо мне!* (Измаил-Бей [2, с. 351]). **Ненависть** порождает **коварство**: *Черкес готовил дерзостный набег, Союзники собрались потаенно, И умный князь, лукавый Росламбек, Склонялся перед русскими смиренно, А между тем с отважною толпой Станицы разорвал во тьме ночной; И, возвратясь в аул, на пир кровавый Он пленников дрожащих приводил, И уверял их в дружбе, и шутил, И головы рубил им для забавы* (Измаил-Бей [2, с. 344]). Повторяющиеся соединительные союзы и размещают события в одной плоскости, что усиливает впечатление читателя.

Жестокость горцев то усиливается, то отступает на второй план, но она – их неизменное свойство, усиленное **коварством**: *И Росламбек совет сзывает; Он говорит: «В тиши ночной Мы нападём на их отряды, Как упадают водопады В долину сонную весной... Погибнут молча наши гости, И их разбросанные кости, Добыча вранов и волков, Сгниют, лишённые гробов. Меж тем с боязнию лукавой Начнем о мире договор И тайне местию кровавой Омоем долгий наш позор»* (Измаил-Бей [2, с. 350]). Причем кровожадность, жестокость и коварство распространяются не только на чужеземцев-русских, но и на своих в обычае кровной мести: *Старайся быть суров и мрачен, Забудь о жалости пустой; На грозный подвиг ты назначен Законом, клятвой и судьбой. За все минувшие злодейства Из обреченного семейства Ты никого не пощади; Ударил час их истребленья!* (Каллы [2, с. 304]).

2. **Вера**. Кавказцы-мусульмане – ревнители веры. Они не щадят соседние народы, принявшие христианство, в частности грузин. В поэме «Демон» читаем: *И та молитва сберегла От мусульманского кинжала* (Демон [2, с. 561]). Однако этого было недостаточно. Грузины становились жертвами жестоких набегов: *Разграблен пышный караван; И над телами христиан Чертит круги ночная птица!* (Демон [2, с. 562]). Отступление от мусульманства сурово карается, как, например, случилось с Измаил-Беем, принявшим христианство: *Нет, ты не стоишь лучшего конца; Нет, мусульманин, верный Измаилу, Отступнику не выроет могилу!... Пусть, не оплакан, он сгниет бесславно, Пусть кончит жизнь, как начал – одинок* (Измаил-Бей [2, с. 382]). Обращает на себя внимание обычай незахоронения покойников как проявление высшей степени презрения.

Интересно, что лирический герой М.Ю. Лермонтова под впечатлением природы Кавказа готов сблизиться с мусульманством: *Быть может, небеса Востока Меня с ученьем их пророка Невольно сблизили* (Валерик [2, с. 201]).

3. М.Ю. Лермонтов отдал дань и **мифологии** Кавказа, в частности шайтану – злему духу коварства и обмана. Русский поэт приводит одно из преданий, запечатлевшее противостояние пророка и шайтана: *Ужасна ты, гора Шайтан, Пустыни старый великан; Тебя злой дух, гласит преданье, Построил дерзостной рукой, Чтоб хоть на миг свое изгнание Забыть меж небом и землей. Здесь три столетия очарован, Он тяжкой цепью был прикован, Когда надменный с новых скал Стрелой пророку угрожал* (Измаил-Бей [2, с. 351]).

4. С мифологией Кавказа тесно переплетается **проклятие**, содержащее, с одной стороны, нарушение всех доблестей горца, о которых мы говорили ранее, физические и нравственные мучения, с другой стороны, самым страшным, помимо этого, является одиночество и отсутствие дома. Проклятие должны осуществить люди и аллах: *Да упадет проклятие людей На жизнь Селима. Пусть в степи палящей От глаз его сокроется ручей. Пускай булат руке его дрожащей Изменит в битве; и в кругу друзей Тоска туманит взор его блестящий; Пускай один, бродя во тьме ночной, Он чей-то шаг все слышит за собой. Да упадет проклятие аллы На голову убийцы молодого; Пускай умрет не в битве – от стрелы Неведомой разбойника ночью, И полумертвый на хребте скалы Три ночи и три дня лежит без крова; Пусть зной палит и бьет его гроза И хищный коршун выключет глаза! Когда придет, покинув выси гор, Его душа к обещанному раю, Пускай пророк свой отворотит взор И грозно молвит: «Я тебя не знаю!»* (Аул Бастунджи [2, с. 415-416]). Обращает на себя внимание то, что проклятие – три сложных синтаксических целых, построенных параллельными синтаксическими конструкциями и связанных параллельно. Первые два ССЦ включают проклятие людей (первое) и аллаха (второе). Таким образом, в сознании читателя выстраивается сложный образ, уничтожающий человека.

5. Кавказцы любят свою природу, и это порождает **патриотизм**: *Он поднял светлое чело, Смотрел и внутренно гордился, Что он черкес, что здесь родился!* (Измаил-Бей [2, с. 332]). Таким образом, внутренний мир горца обрисован довольно объективно, без всякой идеализации.

М.Ю. Лермонтов использовал ограниченное количество заимствований (антропонимы, черкес, аул, шайтан), однако за счет средств русского языка создается четкая и объемная картина.

Закономерно возникает вопрос: чем обусловлено такое пристальное внимание М.Ю. Лермонтова и вообще всей русской литературы к Кавказу? Думается, дело в том, что Кавказ в сознании русского поэта становится символом свободолюбия. Для Д.Г. Байрона аналогичным символом была Греция. Наш анализ показывает, как продвигалось освоение Кавказа по линии от «чужого» к «своему». Современные события на Кавказе демонстрируют как линию братства и единства, так и линию вражды. К сожалению, эти процессы пока еще не нашли отражения в масштабных художественных полотнах, поэтому материала для нашего анализа сегодня нет. Опираясь на публицистику нельзя, поскольку «большое видится на расстоянии».

Литература:

1. Андроников И. Образ Лермонтова. Вступ. статья // М.Ю. Лермонтов. Сочинения. – Т.1. – М., 1988.
2. Лермонтов М.Ю. Сочинения. – Т.1. – М., 1988.

Поступила 04.03.2004 г.